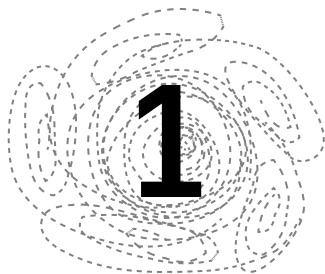

Посвящается Тазаре

Кенна

На краю дороги из земли торчал небольшой деревянный крест с написанной на нем датой смерти.

Скотти бы такое не понравилось. Готова поспорить, крест ставила его мать.

— Можете остановиться на обочине?

Таксист притормозил и остановился. Я вышла и подошла к кресту. Покачала его в грязи из стороны в сторону, а потом вытащила.

Он что, умер вот на этом самом месте? Или еще на дороге?

Я не особо следила за деталями во время предварительного следствия. Услышав, что он прополз несколько метров от машины, я начала мычать, чтобы не слышать больше ничего из того, что говорил прокурор. А потом, чтобы избавиться от всех подробностей, если дело перейдет в суд, я признала себя виновной.

Потому что технически я и была виновна.

Может, я и не убивала его своими действиями, но своим бездействием точно убила.

Скотти, я думала, что ты умер. Но мертвые не ползают.

Держа крест, я вернулась к машине. Пристроила его рядом с собой на заднем сиденье и стала ждать, когда водитель вернется на дорогу, но он не шевелился. Я взглянула на него в зеркальце, а он пялился на меня, подняв брови.

— Как по мне, красть придорожные памятники плохо для кармы. Вы уверены, что хотите забрать его?

Отвернувшись в сторону, я соврала:

— Да. Это я тут его поставила. — Я все еще ощущала на себе взгляд таксиста, когда он выезжал на дорогу.

Моя новая квартира всего в пяти километрах отсюда, но в другую сторону от места, где я жила раньше. У меня не было машины, и я решила найти жилье поближе к центру, чтобы ходить на работу пешком. Если я вообще найду работу. С моей историей и отсутствием опыта это будет нелегко. А если слушать, что говорит водитель, у меня, может, еще и карма плохая.

Может, красть памятник Скотти и значит портить карму, но на это можно возразить, что ставить такой крест парню, который говорил, как ненавидит придорожные памятники, тоже ее не улучшает. Именно поэтому я и заставила водителя заехать сюда. Я знала, что Грейс наверняка поставит что-то на месте катастрофы, и считала, что ради Скотти должна убрать это.

— Карта или наличные? — спросил таксист.

Взглянув на счетчик, я вытащила из сумки деньги и чаевые и, когда водитель остановился, отдала ему. Потом взяла чемодан и только что украденный деревянный крест, вышла из такси и поднялась домой.

Моя новая квартира находилась не в крупном жилом комплексе. Это было отдельно стоящее здание, с одной

Напоминание о нем

стороны от которого была заброшенная парковка, а с другой — супермаркет. Окно внизу было забито фанерой, все вокруг замусорено пивными банками разной степени помятости. Я отшвырнула с дороги одну из них, чтобы она не застряла между колесами чемодана.

Жилье выглядело еще хуже, чем на картинке в интернете, но я чего-то такого и ожидала. Хозяйка даже не спросила моего имени, когда я позвонила с вопросом, есть ли свободные квартиры. Она сказала только:

— Они всегда есть. Приносите наличные. Я живу в первой квартире. — И повесила трубку.

Я постучалась в первую квартиру. Дверь открылась, появилась крошечная пожилая женщина. Она казалась раздраженной. В волосах у нее были бигуди, нос измазан в помаде.

— Что бы вы ни продавали, мне ничего не надо.

Я смотрела на помаду, на то, как она забилась в складки морщин.

— Я звонила вам на той неделе насчет квартиры. Вы сказали, у вас есть свободные.

На ее сморщенном лице мелькнуло припоминание. Оглядев меня сверху донизу, она хмыкнула:

— Не ожидала, что вы такая.

Я не поняла, что она имеет в виду. Она отошла от двери, и в это время я оглядела свои джинсы и майку. Она вернулась с небольшим кошельком на молнии.

— Пять пятьдесят в месяц. Плата за первый и последний — на месте.

Отсчитав деньги, я протянула их ей.

— И никакого договора?

Она рассмеялась, убирая деньги в кошелек.

— Твоя квартира — шестая. — Она указала пальцем вверх. — Это прямо надо мной, так что давай там потише. Я рано ложусь.

— А что включено в плату?

— Вода и мусор, электричество — за твой счет. Оно включено — у тебя три дня, чтобы перевести его на свое имя. Депозит электрической компании — две пятьдесят.

Черт. 250 за три дня? Я начала было сомневаться в своем решении вернуться сюда так быстро, но, когда закончился период моего временного содержания, у меня оставалось два варианта — потратить все деньги, стараясь выжить в том городе, или проехать шестьсот километров и потратить их в этом.

И я предпочла оказаться в городе, где жили все люди, связанные со Скотти.

Женщина отступила в свою квартиру.

— Добро пожаловать в «Райские апартаменты». Когда устроишься, принесу тебе котенка.

Я быстро уперлась в дверь рукой, чтобы она не закрыла ее.

— Погодите. Что? Котенка?

— Ну да, *котенка*. Это как кошка, только меньше.

Я отступила на шаг, как будто это могло спасти меня от того, что она говорила.

— Нет, спасибо. Я не хочу котенка.

— У меня лишние.

— Я не хочу котенка, — повторила я.

— Кто может не хотеть котенка?

— Я.

Она фыркнула, как будто услышала нечто совершенно нелепое.

Напоминание о нем

— Сделаем так, — сказала она. — Я оставлю тебе электричество еще на две недели, если возьмешь котенка. — *Что за чертовщина тут происходит?* — Так и быть, — сказала она, восприняв мое молчание как своего рода тактику в переговорах. — *Месяц.* Ты берешь котенка, а я оставляю тебе электричество на целый месяц. — Она удалилась в квартиру, но оставила дверь открытой.

Я вообще не хотела котенка, но возможность сэкономить 250 долларов за электрический депозит в этом месяце стоила даже нескольких котят.

Она появилась снова с мелким черنو-рыжим котенком в руках. И сунула его мне.

— Вот он. Если что надо, меня зовут Рут, но лучше, чтобы тебе ничего не понадобилось. — И снова попыталась закрыть дверь.

— Погодите. Скажите, где тут можно найти телефон-автомат?

Она хихикнула:

— Ну, где-то в 2005 году. — И закрыла дверь.

Котенок мяукнул, что прозвучало совсем не мило, а скорее напоминало крик о помощи.

— Ну да, и мне тоже, — пробормотала я.

Я побрела к лестнице со своим чемоданом и своим... котенком. Может, надо было все же подождать несколько месяцев, прежде чем возвращаться сюда. Я сумела скопить чуть больше двух тысяч, но большая часть ушла на переезд. Что, если я не смогу сразу найти работу? А теперь мне еще навязали ответственность за котенка.

Моя жизнь стала вдесятеро труднее, чем вчера.

Я поднялась в квартиру. Котенок цеплялся за мою майку. Вставив ключ в замок, я с трудом повернула его

и налегла на дверь, чтобы она открылась. Когда дверь в мою новую квартиру распахнулась, я затаила дыхание, боясь, чем оттуда пахнёт.

Повернув выключатель, я огляделась, медленно выдыхая. Никаких особых запахов не чувствовалось. Это было и хорошо, и плохо.

В гостиной стоял диван и больше практически ничего. Небольшая гостиная, кухонька еще меньше, никакой столовой. Никакой спальни. Квартира без излишеств. Шкаф и крошечная ванная комната, где унитаз касался самой ванны.

Настоящая дыра. Пятидесятиметровая дыра, но для меня и она стала шагом вперед. Я прошла от житья с соседкой в десятиметровой камере ко временному содержанию с шестью соседками, а теперь у меня пятидесятиметровая квартира.

Мне двадцать шесть лет, и я впервые официально живу где-то совсем одна. Это освобождает и пугает одновременно.

Не знаю, смогу ли я через месяц все еще позволить себе такое жилье, но я собираюсь попробовать. Даже если для этого придется искать работу в каждом месте, мимо которого я буду проходить.

Собственная квартира может помочь мне, когда я стану защищать свое дело перед Ландри. Это покажет, что я теперь независима. Даже если за свою независимость мне предстоит бороться.

Котенок хотел на пол, и я отпустила его в гостиной. Он пошел по квартире, плача о том, что оставил там, внизу. Мне стало до боли жалко его, когда я смотрела, как он тычется по углам в поисках выхо-

Напоминание о нем

да. Чтобы попасть домой. К матери и братьям с сестрами.

Со своей черно-оранжевой пятнистой шкуркой он походил на шмеля или на что-то, оставшееся после Хеллоуина.

— Как же нам тебя назвать?

Я знала, что, скорее всего, ему придется провести без имени несколько дней, пока я буду думать об этом. Я очень серьезно подходила к выбору имен. Когда я в последний раз должна была кого-то назвать, я подошла к этому серьезнее, чем ко всему на свете до того. Может, это от того, что всю свою беременность я просидела в камере, где было больше нечего делать, кроме как выбирать имя для ребенка.

Я выбрала имя Диэм, потому что знала — как только меня выпустят, я вернусь и сделаю все, что в моих силах, чтобы найти ее.

И вот я здесь.

Carpe Diem.

Леджер

Я поставил свой грузовик на стоянке позади бара и только теперь заметил яркий лак на ногтях своей правой руки. *Вот черт.* Я и забыл, что вчера вечером играл в наряды с четырехлетней.

Ну, по крайней мере бордовый цвет подходил к моей рабочей рубашке.

Когда я вылез из кабины, Роман как раз выкидывал в помойку мешок с мусором. Увидев у меня в руках подарочный пакет, он понял, что это для него, и протянул руку.

— Дай угадаю. Это кофейная кружка? — Он заглянул внутрь.

Это была кружка. Как всегда.

Он не поблагодарил. Как всегда.

Мы никогда не обсуждаем, что эти кружки символизируют трезвость, но я каждую пятницу покупаю ему еще одну. И это уже девяносто шестая кружка.

Наверное, мне пора бы перестать, потому что у него уже полно этих кружек, но я не собираюсь сдаваться. Он не пьет уже без малого сто недель, и я уже некоторое время присматриваюсь к сотой, знаменательной круж-

Напоминание о нем

ке. Это будет кружка с «Денвер Бронко». Его последней любимой командой.

Роман указал на заднюю дверь бара.

— Там пара человек донимает остальных клиентов. Может, тебе взглянуть?

Это было странно. Обычно в такое раннее время не приходится иметь дело с беспорядками. Еще и шести-то нет.

— Где они сидят?

— Возле музыкального автомата. — Он взглянул на мою руку. — Отличные ногти, парень.

— Правда? — Я вытянул руку и пошевелил пальцами. — Для четырехлетки у нее неплохо получилось.

Я открыл заднюю дверь, и на меня обрушились звуки моей любимой песни, которую орал из динамиков Ugly Kid Joe.

Только не это.

Я прошел в бар через кухню, и тут же увидел их, склонившихся над автоматом. Я тихо подошел сзади и взглянул, как она снова и снова нажимает те же четыре цифры. Они хихикали, как непослушные дети. Я взглянул поверх их голов на экран. «Кошка в колыбели» была проиграна тридцать шесть раз подряд.

Я кашлянул.

— Думаете, это смешно? Заставлять меня слушать ту же песню четыре часа кряду?

Услышав мой голос, мой отец повернулся ко мне.

— Леджер! — Он обнял меня. От него пахло пивом и машинным маслом. И, кажется, лаймом? *Они что, напилась?*

Моя мать снова повернулась к автомату.